

**ПРОБЛЕМА ТРАНСЛЯЦИИ // ЭЛИМИНАЦИИ
КУЛЬТУРНО ДОМИНИРУЮЩЕГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

1.1. «Подобно культурам, языки редко бывают самодостаточными» [Сепир 1993: 173]; потребности сосуществования во времени и пространстве определяют непосредственные или опосредованные контакты культурно соположенных языков или контакты культурно воспринимающих и культурно доминирующих языков. При этом структурно-функциональные отношения между литературными языками, в отличие от структурно-функциональных отношений между разговорно-обиходными языками, всегда предстают как результат культурно-языковой рефлексии и имеют принципиально концептуальный характер. Основными формами отношений между литературными языками являются концептуально мотивированная трансляция и концептуально мотивированная элиминация культурно доминирующего языка.

Концептуально мотивированная трансляция культурно доминирующего языка свидетельствует о типе культуры и характере ее вариативности в культурно-языковых пространствах. Транслируемый культурно доминирующий язык определяет тип культурно воспринимающего языка и задает его «зоны проницаемости», т. е. зоны формально-семантической ослабленности. Соответственно, концептуально мотивированная элиминация культурно доминирующего языка свидетельствует об изменении характера вариативности культуры или об изменении типа культуры, а также об изменении типа литературного языка, обслуживающего данную культуру. При этом элиминация осуществляется в тех же «зонах проницаемости», формально-семантическое содержание которых лишь подвергается переосмыслению.

Верификацией данных положений может служить история культурно-языковой славянской рефлексии, демонстрирующей движение от концептуально мотивированной трансляции к элиминации греческого языка, являвшегося культурно доминирующим для церковнославянского языка.

1.2. Церковнославянский язык (*словѣньскыи языкъ*), созданный Кириллом и Мефодием в IX в. как язык славянского богослужения, определил единое славянское культурно-языковое пространство в рамках конфессиональной христианской культуры: «Самым значительным культурным фактором, объединившим на время все славянство, было создание славянского литературного языка и принятие

всеми славянами христианства с богослужением на славянском языке ... Мало-помалу язык становится не только церковным, но и литературным языком всего славянского мира: в конце X в. и в XI в. на нем пишут, читают, проповедают и служат и в Новгороде, и в Преславе, и в Охриде, и в Велеграде, и на Сазаве» [Дурново 2000: 637]. Цель перевода богослужения на славянский язык заключалась в достижении понятности Слова Бога для новообращенной паствы, долженствующей жить по Слову Бога: «...Словѣньскѣ народе, Слышитѣ слово, отъ Бога во приидѣ» [проглас св. Кирилла к Четвероевангелию, цит. по: Якобсон 1987: 48]. Поскольку церковнославянский язык явился результатом перевода богослужебных книг с греческого языка, именно греческий язык стал для церковнославянского культурно доминирующим и мотивировал его правильность, т. е. употребление «по грѣчьскихѣхъ правилѣхъ». При этом системно мотивированными «зонами проницаемости» стали лексика и синтаксис, задающие универсальную дистанцию между литературным и обиходно-разговорным языком: «Древнецерковнославянский язык строил свой словарь, фразеологию, стиль и даже некоторые грамматические средства по модели греческого» [Якобсон 1987: 58]. Являясь по происхождению кальками с греческого, синтаксические конструкции переходили и в оригинальные тексты, становясь данностью церковнославянского языка: греческий язык задавал саму возможность грецизмов, в то время как их интенсивность и сфера употребления зависели от концептуальных установок. Таким образом, понятность и правильность церковнославянского языка стали исходными доминантами славянской языковой рефлексии.

Последовавший в XI в. разрыв единого славянского культурно-языкового пространства, приведший к образованию автономных культурно-языковых пространств — *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina*, определил разрыв и славянской языковой рефлексии, приведший к разъединению категорий «правильность языка» и «понятность языка». Так, в культурно-языковом пространстве *Slavia Orthodoxa* литургическим и литературным языком оставался церковнославянский, правильность которого задавалась ориентацией на греческий язык: «Грѣческій во языкѣ... Ѡ Бога исперва хѹдоженъ и пространъ высть» [инок Исаия, предисловие к переводу Псевдо-Дионисия Ареопагита — цит. по: Успенский 1988: 277]. В культурно-языковом пространстве *Slavia Latina* основным литургическим и литературным языком была латынь, а церковнославянский как литургический язык, поддерживаемый хорватами-глаголитами, сохранился лишь как маргинальный. Однако со временем в «латино-славянском» мире стали возникать как оппозиция латыни локальные славянские литературные языки (XIV в. — чешский, XV в. — польский), ориентированные в той или иной степени на разговорные славянские языки. Обретение новы-

ми славянскими литературными языками структурно-функционального «достоинства» (*dignitas*) определялось новыми переводами Библии, осуществленными с латыни в целях облегчения понимания славянами христианской истины. Таким образом, церковнославянский язык хорватской редакции и новые «простые» славянские литературные языки оказались противопоставлены латыни по признаку понятности. В сложившихся условиях влияние культурно-языкового мира *Slavia Latina* на культурно-языковой мир *Slavia Orthodoxa* в XVII в. приводило к появлению образцов «простого» литературного языка, маркером которого становилась не правильность, а понятность, достигаемая прежде всего посредством концептуально мотивированной элиминации греческого языка.

Смена конфессиональной культуры секулярной обусловила и смену доминирующего типа литературных языков, в частности, смену церковнославянского языка русским литературным языком, который рассматривался носителями либо в контексте культурно-языковых традиций, либо в контексте культурно-языковых новаций [Успенский 1985; Живов 1995]. Так, согласно концепции субстанциональной общности церковнославянского языка и нового русского литературного языка, церковнославянский язык, структурно и функционально мотивированный греческим языком, обеспечивал непрерывность литературно-языкового развития и правильность русского литературного языка нового типа: «...умножаем довольство Российскаго слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством Славенскаго сродно» [Ломоносов, цит. по: Живов 1995: 313]. В свою очередь, согласно концепции субстанционального различия церковнославянского языка и нового русского литературного языка, именно церковнославянский язык, ориентированный на греческий язык, затруднял вхождение русского литературного языка в состав новоевропейских литературных языков. признаком которых являлась ориентация на разговорную речь, мотивирующая их понятность: «Авторы или переводчики наших духовных книг образовали язык их совершенно по Греческому... и сею химическою операциею изменили первобытную чистоту древняго Славянскаго» [Карамзин, цит. по: Живов 1995: 434]. «Со-бытие» данных концепций привело к концепции синтеза, учитывающей культурно-языковые традиции и новации: «В XI в. древний греческий язык... усыновил (язык славяно-русский), ...отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного: но впоследствии они сблизилась, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» [Пушкин, цит. по: Живов 1995: 455]. Став полифункциональным литературным языком, русский язык распространил свое влияние в XIX–XX вв. и на церковную книжность, при этом понятность языка библейских и богослужебных книг также достигалась

прежде всего посредством последовательной или фрагментарной концептуально мотивированной элиминации греческого языка.

Образцы изменения литературного языка, явившиеся результатом концептуально мотивированного перехода от трансляции к элиминации греческого языка, были представлены в справе и в переводах библейских и богослужебных книг XVII–XX вв.

2.0. В XVII в. основной духовной составляющей явился «обрядовый» христианский универсализм, имевший разную реализацию в разных славянских культурно-языковых пространствах.

2.1. Так, Юго-Западная Русь, входившая в состав Речи Посполитой, представляла собой своеобразное «духовное пограничье», в котором реализовались традиции *Slavia Orthodoxa*, а также традиции и новации *Slavia Latina*, приведшие к заключению в 1596 г. Брестской унии. Следствием унии явилась потеря не только «чистоты» веры, но и «чистоты» языка, который начал функционировать как литургический язык не только православных, но и униатов. Ставшие перед ревнителями православия новые задачи защиты веры и языка определили необходимость книжной справы богослужебных книг, призванной демонстрировать ориентацию на греческие образцы. При этом грекоориентированная справа богослужебных книг следовала за проведенной ранее К. Острожским и его сподвижниками грекоориентированной библейской справой: в основу Острожской Библии 1580 г. был положен список Геннадиевской Библии 1499 г., который исправлялся по Альдинской Библии 1518 г. [Алексеев 1999: 211–212]. В свою очередь, богослужебные книги, изданные в типографии Киево-Печерской Лавры (Постная Триодь 1627 г., Цветная Триодь 1631 г., Требник 1646 г.), также были исправлены юго-западнорусскими книжниками П. Берындой, Т. Земкой и П. Могилой «**Ѡ еллинскаго зводѠ истиннаго**», т. е. по греческим изданиям. Защищая церковнославянский язык как знак православной веры, книжники при проведении языковой справы руководствовались идеей формально-семантического подобия церковнославянского языка греческому, о чем специально сообщали в предисловиях изданных книг, в частности, эту идею декларировал З. Копыстенский в предисловии к изданной в 1623 г. Книге бесед Иоанна Златоуста: «**Маетъ бовѣмъ' яззыкѠ Славенскій таковѠю ѣ собѣ силѠ и зацность, же яззыкѠ ГрецкомѠ таковы природне съгласѠеть, и властности его съчиняетса, и в' перекадаѠ свой приличне, и нѣгако природне онѠ веретѠ и пріймѠеть, в' подовнын спадки склоненій и съчиненіа падаючи**» [цит. по: Титов 1918, прилож. : 74–75]. Опыт кодификации церковнославянского языка как результата трансляции греческого языка, явленный в книжной справе богослужебных книг, мог соотноситься с опытом кодификации церковнославянского языка в грамматике М. Смотрицкого «**Грамматіки СлавѣнскаѠ правілноѠ Ѣвнтагма**» 1619 г. [Смотрицкий 1979; далее в тексте ГС], в которой

правильность церковнославянского языка определялась его формально-семантической соотнесенностью с греческим языком.

Проникновение в сферу православного церковного богослужения «простой мовы», мотивированное просветительскими задачами, было строго регламентировано. Так, П. Берында в послесловии к Постной Триоди 1627 г. специально обосновывал возможность перевода отдельных частей Триоди на «росси́нскѣю вѣсѣдѣ ѡбщѣю» в целях достижения понятности [Титов 1918, прилож.: 178].

2.2. Культурно-языковое пространство *Slavia Orthodoxa*, центром которого в XVII в. было Московское государство, также демонстрировало актуализацию православного греко-славянского универсализма. Последовательное развитие идеи «восприятия» на русского царя и русскую церковь византийского теократического наследия требовало единого греко-славянского обрядового пространства. При этом установка на унификацию обрядов по греческому образцу определила установку книжной sprawy богослужбных книг, начавшейся при активной поддержке патриарха Никона (1652–1658 гг.): на Соборе 1654 г. было принято решение «**достоинно и праведно исправити противъ старыхъ и греческихъ**» книг. Грекоориентированные задачи книжной sprawy определили состав участников книжной sprawy: к справе были допущены греческие книжники — Арсений Грек (с 1654 г.) и Дионисий Грек (с 1663 г.), координировал справу юго-западнорусский богослов и переводчик Епифаний Славинецкий, активное участие в справе принимал сведущий в «еллиногреческом» языке московский книжник Евфимий Чудовский. Декларированная книжная справа богослужбных книг по греческим источникам осуществлялась либо посредством выбора греческого новопечатного текста (Требник 1655 г. был исправлен по греческому тексту Арсением Греком), либо посредством выбора юго-западнорусского текста, исправленного по греческому образцу (Постная Триодь 1656 г. была исправлена по киевской Триоди 1627 г., Требник 1658 г. был исправлен по киевскому Требнику 1646 г., Цветная Триодь 1660 г. была исправлена по киевской триоди 1631 г.) [Сиромеха, Успенский 1987: 75–84]. По пути ориентации на юго-западнорусские тексты пошла и библейская справа: Московская Библия 1663 г. была напечатана по Острожской Библии 1580 г. «**незмѣнно**», кроме орфографии и «**тавственныхъ погрѣшеніи**». Значение юго-западнорусских источников для языковой sprawy определялось тем, что они демонстрировали формально-семантическую трансляцию греческого языка, при этом правильность внесенных изменений могла обосновываться ссылками на грамматику М. Смотрицкого, в равной степени авторитетную как для юго-западнорусских, так и для московских книжников, поскольку грамматика была переиздана в 1648 г. в Москве с некоторыми языковыми и метаязыковыми изменениями. Усиление грекофильских настроений, явленное

уже в книжной справе при патриархе Иоакиме (1674–1690 гг.), выразилось в том, что правильность библейских книг стала определяться только непосредственной ориентацией на греческие источники: на Соборе 1674 г. было принято решение переводить «**Библію всю вновѣ ветхій и Новѣй Заветъ... съ книгъ грѣческихъ**», поскольку в Московской Библии 1663 г., исправленной по Острожской Библии 1580 г. «**премногаа сътъ погрѣшеніа в реченіихъ и разумѣніи, не ѿ хитрости, но ѿ простоты и невѣдѣніа**» [цит. по Исаченко 1999: 267–278]. Однако смерть Епифания Славинецкого не позволила закончить исправление Библии: к печати были подготовлены Новый Завет и возможно Пятикнижие. Явленная в никоновской и иоакимовской справах трансляция греческого языка была обоснована идеей структурно-функционального превосходства греческого языка, что декларировалось, в частности, П. Лигаридом: «**Рѣхъ, тако первіе іазыкъ греческомѣ изъчитиса лѣпотствѣтъ того ради, занеже бо есть корень... Тѣи бо, нже гречески писаша, тако же свѣтїи евангелїстове, дѣха свѣтаго вдохновеніемъ писаніа греческаа изобразиша. Ибо волшаа есть чистота источника, нежели потока. Отнюдѣже, къ началѣ греческихъ реченій, аки къ твердыни, въ недоумѣнныхъ вещьхъ привѣгаемъ, паче же аки къ источникѣ нетлѣнномѣ жаждѣщїи притекаемъ**» [цит. по: Материалы... 1894: 236]. Использование в ходе справы греческих новопечатных книг и сверенных с ними юго-западнорусских изданий, а также усиление языковой грецизации, требовавшей определенной эрудиции, вызывало протест старообрядцев.

Культурно-языковой репликой на официальную грекоориентированную книжную справу и на жесткие решения Собора 1682 г. против старообрядцев явился выполненный в 1683 г. «книжным чтецом» А. Фирсовым перевод Псалтыри на «**простон, шыклон словенскон азык**» «**ради истинныа вѣдомости в разумѣ, и увѣреніа неразумных, и простыхъ людей**» [Псалтырь 1989: 23; далее в тексте ПсФ]. Обосновывая необходимость перевода, А. Фирсов утверждал, что непонятность «словенского» языка в «новоправленных книгах» усиливает «невежество» «простых, неученых» людей, «и ради невѣждества... бываютъ нынѣ в росси́скомъ гспѣдрствѣ... расколь» [ПсФ: 24]. Основной причиной непонятности «словенского» языка являлась, по мнению А. Фирсова, его зависимость от других конфессиональных языков: «...в нашихъ псалтыри многѣ реченіи разныхъ языкѣвъ, нам ихъ невозможнѣ разумѣти» [ПсФ: 28]. Преимущество же «простого словенского языка» заключалось в том, что он был освобожден от влияния традиционных библейских языков, прежде всего, от влияния греческого языка: «...здѣшнїюдѣ нѣсть реченіи греческихъ, латинскихъ, сербскихъ, волоскихъ, болгарскихъ и еврейскихъ, но все наша славенская простаа шыклаа рѣчь, удоборазумителнаа преложена безъ украшеніа» [ПсФ: 28]. Отсутствие влияния греческого языка в Псалтыри А. Фирсова проявилось

прежде всего в элиминации синтаксических грецизмов: конструкция с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. была заменена на конструкцию с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., конструкция с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом — на конструкцию с относительными местоимениями, грамматически зависимыми от модели управления глагола, причастные и инфинитивные конструкции — на глагольно-личные конструкции, конструкция с одинарным отрицанием — на конструкцию с двойным отрицанием.

Острожская Библия 1580 г. = Библия 1663 г.	Псалтырь в переводе А. Фирсова 1669 г.
пс. 8:7 вѣмъ покорѣнъ еси по^лнозѣго πάντα ὑπέταξας ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτοῦ	Все покорна еси под нозѣ егв.
пс. 77:11 забыша блгодѣаніи єго нчюдєсь єго, нхъже іавнъ імъ καὶ ἐπελάθοντο τῶν εὐεργεσιῶν αὐτοῦ καὶ τῶν θαυμασιῶν αὐτοῦ, ὧν ἔδειξεν αὐτοῖς	Забываи блгодѣаніе егв, и дивныа чѣдєса егв которыа імъ показал.
пс. 2:4 Живынъ нанѣсехъ посмѣтєса імъ ὁ κατοικῶν ἐν οὐρανοῖς ἐκγελάσεται αὐτοῦς	Но тои нже живєть в нбєси, посмѣ- єтєса імъ
пс. 33:17 лицє же гѣне на творѣщаа злаа, єже потребити ѿ землѣ паматъ нх πρόσωπον δὲ κυρίου ἐπὶ ποιῶντας κακὰ τοῦ ἐξολεθρεῦσαι ἐκ γῆς τὸ μνημόσυνον αὐτῶν	Но лице гѣдне на творѣщыа злаа, дабы искорєниа со землѣ паматъ нх.
пс. 9:4 внегда възвратитєса врагъ моєму възспѣтъ ἐν τῷ ἀποστραφῆναι τὸν ἐχθρόν μου εἰς τὰ ὀπίσω	Понєже швратнєса врази мои вспѣтъ
пс. 22:1 ничтѣ же ма лишѣтъ καὶ οὐδέν με ὑστερήσει	никакогоу недостатка не боюса

Употребленные синтаксические конструкции и их формальное наполнение свидетельствовали о том, что А. Фирсов либо переводил Псалтырь с польской Псалтыри, либо сверял церковнославянскую Псалтырь с польской [Целунова 1985; Запольская 1999: 119-125]. Так, например, польским языком был поддержан выбор конструкции

«да+конъюнктив» для выражения целевых отношений вне зависимости от совпадения или несовпадения субъектов действия в главной и придаточной части предложений: **Но лице гѣдне на творащымъ слаа, дабы искоренил со земли память их** = *A twarz Pańska nád czyniącymi źle. áby wyglądził z ziemie pámiątkę ich.* Посредством осуществленного перевода «простон, обыклон словенскогъ языкъ», служащий «ради увѣреніа простыхъ людей», оказывался функционально тождественным польскому языку, как языку «простому», противопоставленному латыни и служащему «*pospolitemu człowieku naszego języka*» [Запольская 1999: 119–125]. Полагая, что только «**Ў читаніа слова бжїа с разумомъ множитса в члвцѣхъ вѣра**» [ПсФ: 25], А. Фирсов представил свой перевод Патриарху в Крестовую палату на рассмотрение: перевод вызвал споры, после чего был отправлен в ризницу с запретом «кому-либо давать смотреть его».

2.3. Культурно-языковое пространство *Slavia Latina* было актуально для проведения Римом «глобальной унии церквей», в котором важнейшим этапом являлась «славянская уния». При этом переход от мыслимой унии к реальной церковной жизни должен был осуществиться с помощью «общего» литургического языка, поскольку церковнославянский язык являлся основным литургическим языком *Slavia Orthodoxa*, маргинальным литургическим языком *Slavia Latina* и общим для православных и униатов литургическим языком «пограничного» культурно-языкового пространства.

В этой связи по поручению Конгрегации пропаганды святой веры в Риме в 40-х годах XVII в. была предпринята книжная справа хорватских глаголических богослужебных книг, осуществлявшаяся под руководством хорватского монаха Р. Леваковича [Бессонов 1870: 716–717, Будилович 1892: 158–159]. Проведя некоторое время в Речи Посполитой, в среде юго-западнорусских униатов, Р. Левакович изучил «русскую» (юго-западнорусскую) редакцию церковнославянского языка и использовал ее в качестве образца для языка хорватских богослужебных книг. Исправленные по юго-западнорусским источникам хорватские богослужебные книги — **Миссал римскін ва език словенскін** 1631 г. и **Часослов римскін славинскимъ языкомъ** 1648 г. были утверждены папой Иннокентием X.

Другой путь единения по вере посредством единения по языку избрал хорват, иезуитский миссионер Ю. Крижанич, пытавшийся «исправить» «русскую» (юго-западнорусскую и московскую) редакцию церковнославянского языка для достижения понятности ее всеми славянами [Запольская 1998: 267–289]. Осуществляя свою миссионерскую деятельность непосредственно в Московской Руси, Ю. Крижанич написал в 1666 г. грамматический труд «**Грама̀тїчно исказа̀нїе об рѣскомъ језикѣ**» [Крижанич 1859; далее в тексте ГИ], явившийся культурно-языковой репликой на грамматику М. Смотрицкого «Грам-

матіки Славѣнскихъ правѣльное Сунтагма» 1619 г. Исходя из принятой в славянском мире идеи идентификации всех славянских языков как вариантов одного славянского языка, Ю. Крижанич обосновал функционально-генетическое превосходство «русского» языка над другими славянскими языками и счел необходимым называть «общеславянский» литературный язык «рѣским», а не «сло/а/венским». Как и подобало хорватскому книжнику, Ю. Крижанич не принимал концептуального содержания грамматики М. Смотрицкого, сутью которого была непосредственная формально-семантическая соотнесенность церковнославянского языка с греческим языком, что позволяло усложнить структуру церковнославянского языка и тем самым увеличить дистанцию между книжным и разговорно-обиходным языком. Ю. Крижанич стремился кодифицировать новый вариант «русского» языка, освобожденный от структурно-функционального влияния греческого языка, минимально дистанцированный от разговорно-обиходного языка и получавший тем самым более простую структуру. Таким образом, создавая свой грамматический труд, Ю. Крижанич по сути «исправлял» кодифицированную М. Смотрицким систему грамматических форм и синтаксических конструкций: «*Мелѣтнь Смотритскнь дьларадн својеѣ трѣдольдѣја и дьла печѣлности, коѣѣ јест носѣл про ѡбщениѣ ползѣ, пѣшѣц Граматикѣ, достојен јест памѣти и многѣје хвалѣ: и бѣл ви доспѣл вѣщи народѣ посѣбније, дави се нѣвил совлазнѣл по ѡбзѣрѣ на Грѣцскѣје превѣди: и дави нѣвил захѣтил нашѣго језѣка на Грѣцскѣје и на Латѣнскѣје ѣзѣри прѣтварѣат... Ови ѣво всѣје причинѣ ја многокрѣат размѣшлѣјѣц и просѣждајѣц, јѣжѣ давније от двадѣсетн лѣт, начал јесем дѣмат и трѣдѣтсе въ језѣка изправлѣнѣѣ» [ГИ: V].*

В процессе осуществленной Ю. Крижаничем «грамматической работы» элиминации подверглись прежде всего элементы, рассматриваемые им как «*ѡвезѣанство по ѡбзѣрѣ на Грѣцскѣн језѣк*»: «*Грѣкѣ нашѣ всѣдѣ на своје копѣто навѣли: се јест, вѣс состав и ѡвлѣнѣе нашѣго језѣка (по ѡбзѣрѣ на свѣѣ језѣка изѣ днѣ извратѣли и прѣткорѣли тако да ни он јест Грѣцскѣн, ни он Рѣскѣн језѣк*» [ГИ: IV].

Теоретические установки М. Смотрицкого, демонстрировавшие трансляцию греческого языка, и теоретические установки Ю. Крижанича, демонстрировавшие элиминацию греческого языка, реализовались наиболее последовательно на материале синтаксических гречизмов. При этом синтаксические изыскания М. Смотрицкого и Ю. Крижанича отражали традиционное атомистическое понимание синтаксической конструкции как «сочинения» «восьми частей слова». Смысловые отношения, выраженные синтаксической конструкцией, были заключены, по мнению кодификаторов, в отдельных формах слов, а единственной проблемой синтаксиса являлась проблема сочетаемости частей речи соответственно их значению. Предварительно данная

классификация частей речи, объединявшая лексические и морфологические признаки, была основой синтаксиса, поскольку слово не имело иной функции, кроме выражения своей «семантической энергии», распределенной между корнями и аффиксами. Соответственно, предметом особого внимания как М. Смотрицкого, так и Ю. Крижанича являлось «сочинение» имен, местоимений, глаголов и причастий, мотивированное греческим языком. М. Смотрицкий подходил к синтаксическим грецизмам избирательно, полагая, что причастные конструкции и конструкция с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. органичны для церковнославянского языка, тогда как конструкция с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом, требует замены, а инфинитивная конструкция «еже + инфинитив» может допускать в качестве варианта глагольно-личную конструкцию «да + конъюнктив» при условии несовпадения субъектов действия в главной и придаточной частях предложения. В отличие от М. Смотрицкого, Ю. Крижанич настаивал на устранении всех синтаксических грецизмов, предлагая заменить конструкцию с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. на конструкцию с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., конструкцию с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом — на конструкцию с относительными местоимениями, грамматически зависимыми от модели управления глагола, причастные конструкции — на глагольно-личные конструкции, инфинитивную целевую конструкцию «еже + инфинитив» вне зависимости от совпадения-несовпадения субъектов действия — на синонимичные глагольно-личные конструкции «да + конъюнктив» и «да + индикатив», при этом конструкция «да + индикатив» была поддержана в языковом сознании Ю. Крижанича хорватским языком.

Мелетий Смотрицкий Грамматики Главѣнскихъ правилное Свнѣтама 1619 г	Юрий Крижанич Граматично исказанје о в рѣском језику 1666 г
«сочинение имени» оппозиция установок	
конструкция с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн.	конструкция с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед. или с суш.
(Грѣческагъ сочиненіа образомъ) Многажды такова Прилагателнаа множественнѣ во Средней родѣ еѣ ³ Существовательнѣ употребляема вѣращѣтса [ГС W 2]	А во вножинномъ числѣ Греки и Латинци кладѣтъ придѣвна Ннѣдѣнска (держѣща овстојинѣхъ овлинѣе) и приразвмѣваѣтъ Прагмата, Ерга, Вѣщи, Дѣла или Ствари. Какотъ, Богъ возмагаѣетъ всаческа (се јестъ всакије вѣщи). Реци, Богъ возмагаѣетъ все или всачинѣ или всакије вѣщи. [ГИ 157]

Предложенные Ю. Крижаничем в его грамматике «исправления» «русского» языка были сделаны с целью использования их в справе богослужбных и библейских книг, язык которых, по мнению Ю. Крижанича, был лишен понятности, что и привело к расколу: «До сих во врѣмѣн во свѣтомъ вѣдѣнїи писмѣ и всакихъ превѣдѣхъ нашихъ, въ никоныхъ мистехъ вногѣ jest ричѣн, а мало разумѣма», что «чинит» «цирковниъ раздоръ» [ГИ: V]. Стремление непосредственно скоординировать систему кодифицированных элементов и императивные конфессиональные тексты обусловило своеобразную «справу» псалмов, представленную в правилах-комментариях в грамматике Ю. Крижанича [Запольская 2000: 305–314]. Подвергшиеся исправлению псалмы были взяты из Острожской Библии 1580 г., тем самы Ю. Крижанич вступал в скрытую полемику с московскими книжниками, также исправлявшими Острожскую Библию при подготовке Московской Библии 1663 г. Сферу основных разногласий московских книжников и Ю. Крижанича определяли синтаксические конструкции, обусловленные влиянием греческого языка: если московские книжники стремились к сохранению и даже усилению грецизации как к средству достижения языковой правильности библейского текста, то Ю. Крижанич отказывался от формально-сематической грецизации, нарушающей понятность текста. Объектом последовательной элиминации выступали конструкция с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн., конструкция с относительными местоимениями, согласованными с определяемым словом, причастные конструкции, инфинитивные конструкции с обстоятельственным значением и конструкция с одинарным отрицанием.

Острожская Библия 1580 г = Библия 1663 г	Псалмы, «исправленные» Ю. Крижаничем (Грамматично искажанје ов рѣскомъ језикѣ 1666 г)
пс. 8 7 <i>всѣмъ покорѣхъ сеи по^аносѣго</i> <i>πάντα υπέταξας υποκάτω τῶν ποδῶν</i> <i>αὐτοῦ</i>	<i>Всѣ јеси упокорѣнѣ подъ јего ноги</i> [ГИ 173]
пс 77 11 <i>завыша блгодѣанїи его</i> <i>ἠχούεσθε ἐго, ἡχῆ же ἰσθῆ ἡμῆ</i> <i>καὶ ἐπελάθοντο τῶν εὐεργεσιῶν</i> <i>αὐτοῦ καὶ τῶν θαυμασιῶν αὐτοῦ, ὧν</i> <i>ἔδειξεν αὐτοῖς</i>	<i>Чудѣсъ · јаже ѡмъ јестъ јавѣнѣ</i> [ГИ 173]
пс 2 4 <i>Живынъ наивсѣхъ посмѣтсѣ ѡмъ</i> <i>ὁ κατοικῶν ἐν οὐρανοῖς ἐκγελάσεται</i> <i>αὐτοῦς</i>	<i>Јже живѣтъ на небѣсехъ, насмѣјетъ ѡмъ</i> <i>се</i> [ГИ 163]

пс 33 17 ли́це же ѓне на творащаа злаа, еже потревити ѿ земли памать ихъ προσωπον δε κυριου επι ποιουντας κακα του εξολεθρευσαι εκ γης το μνημόσυνον αυτων	Ли́це пак господне на творещиѹ зло, да погребѣт от земли памѣт ѹ ихъ [ГИ: 182]
пс. 9 4 внигда възвратитѣса врагѹ мѹемѹ възспѣтъ εν τῷ ἀποστραφῆναι τον εχθρον μου εις τα ὀπισω	когда се возвратит враг мѹ възпѣт [ГИ. 164]
пс 22 1 ничтѹ же ма лишитъ και ουδεν με υστερησει	ничтѹ же ме не лишит [ГИ 160]

Исправляя язык псалмов для достижения понятности, Ю. Крижанич стремился устранить «шатѹст.. кнѣжннх превѹдов.. ко ѹпокоје-нѹ народннх съсѹр... црковного раздѹра» [ГИ: V]. Грамматика Ю. Крижанича, в которой были представлены опыты книжной справки, была известна московским книжникам, о чем свидетельствуют ее списки в авторитетных книжных собраниях, владельцы которых принимали активное участие в книжной справе XVII–XVIII вв., однако реализации идеи Ю. Крижанича не получили.

Являясь своеобразными функциональными репрезентантами культурно-языкового пространства Slavia Latina, языковые образцы Ю. Крижанича и А. Фирсова, объединенные концептуально мотивированной элиминацией греческого языка и зоной ее реализации, представляли собой провизорные варианты русского литературного языка нового типа, ставшего знаком секулярной культуры в XVIII в. и распространившего свое влияние и на конфессиональные тексты.

3.0. В начале XIX в. одной из духовных составляющих явился развиваемый масонами «внутренний» христианский универсализм, противопоставленный «внешнему» изоляционизму исторических христианских церквей: «Священное Писание есть немой наставник, указующий знаками на живого учителя, обитающего в сердце.. Мы не найдем у Спасителя никаких толков о догматах, а одни только практические аксиомы, поучающия, что делать и чего удаляться» [цит. по: Флоровский 1983: 137]. Став в России общественным движением и получив государственную поддержку, мистицизм обусловил успешность деятельности всеконфессионального Библейского общества, задача которого состояла в том, чтобы «приводить в большее употребление Слово Божие», чтобы «каждый смог испытать спасительное его воздействие и в этом непосредственном восприятии познать Бога, как открывает Его Священное Писание» [цит. по: Флоровский 1983: 147]. Поскольку возможность глубинного понимания Священного Писания напрямую зависела от понятности языка, декларировалась необходимость перевода Библии на русский литературный язык В 1816 г.

обер-прокурор Синода и президент Российского Библейского общества А. Н. Голицын получил Высочайшее изустное повеление Александра I предложить «Святейшему Синоду искреннее и точное желание Его Величества доставить россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия, на коем книги Священного Писания у нас издаются» [цит. по: Флоровский 1983: 153]. Переводческую комиссию было поручено возглавить ректору Петербургской духовной академии архимандриту Филарету (Дроздову), будущему митрополиту московскому, который составил инструкцию для переводчиков. Переводить Ветхий Завет надлежало с еврейского языка, а Новый Завет с греческого, как «первоначального, преимущественного перед славянским», стремясь соблюдать ясность и чистоту перевода: «Величие Священного Писания состоит в силе, а не в блеске слов, из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности» [цит. по: Флоровский 1983: 155]. В соответствии с установленными правилами в 1820 г. был издан Новый Завет, а в 1822 г. Псалтырь. Декларированный и осуществленный перевод библейских книг на русский литературный язык вызвал культурно-языковую полемику. Так, сторонники перевода исходили из идеи функционального тождества русского языка и европейских литературных языков и, следовательно, из возможности перевода Библии с классического библейского языка на современный полифункциональный язык. Противники перевода, составлявшие консервативное крыло Синода и правительственной администрации, исходили из национальной традиции, декларируя идею субстанциональной общности церковнославянского и русского языков, находящихся в отношении функционального распределения и не способных в силу этого на отношения переводимости. В перспективе данной концепции библейский перевод на русский язык рассматривался консерваторами, прежде всего А. С. Шишковым, занимавшим с 1824 г. должность министра народного просвещения, как «умышленное умаление священного достоинства Библии», которое ведет к ересям и расколам: «...язык у нас славенский и русский один и тот же. Он различается только (больше нежели всякой другой язык) на высокой и простой. Высоким написаны священные книги, простым мы говорим между собою и пишем светские сочинения... Сколь смешно в простых разговорах говорить высоким славенским слогом, столь же странно и дико употреблять простой язык в Священном Писании... Трудно доказать надобность, но не трудно сыскать причину сих переводов, очевидно состоящую в том, чтобы согласно с намерением библейских обществ исказить и привести в неуважение священные книги, изменяя в них язык церкви в язык театра» [цит. по: Успенский 1985: 178]. Следствием такой позиции явилось закрытие Николаем I Библейского общест-

ва и приостановление переводческой библейской деятельности на тридцать лет: только в 1858 г., уже при Александре II, в новую эпоху вхождения России в европейский контекст, состоялось определение Синода, признавшее русский перевод Священного Писания «необходимым и полезным» «для пособия к разумению Священного Писания» (полная русская Библия была издана в 1876 г.).

Однако именно в период николаевской реакции, в 40-е годы XIX в. появился перевод Библии с церковнославянского языка на русский, выполненный В. А. Жуковским. В своих духовных исканиях В. А. Жуковский прошел путь от романтико-эстетического отношения к религии, от «усвоения религиозного смысла искусству» к подлинной «живой» вере и активному духовному жизнестроительству: «...должна действовать одна вера, покоряющая разум. ...покорный разум должен вводить веру в практическое употребление жизни, без этого введения в жизнь не будет живой веры» [Жуковский 1869: 805]. Духовное «самостроение» человека возможно было, по мысли В. А. Жуковского, только посредством глубинного понимания христианской истины, напрямую зависимо от глубинного понимания языка Священного Писания. Развивая идеи западноевропейских богословов, В. А. Жуковский видел трагедию непонимания христианской истины в исходном непонимании Пилатом «внутреннего» языка Христа: «Когда Спаситель стоял перед судилищем Пилата, и Пилат спросил у него, употребив вероятно, как римлянин, язык Рима: что есть истина (Quid est veritas?) Господь не отвечал. Но в ответе его, если бы он восхотел дать ответ, заключались бы все буквы вопроса с переменою только порядка их: истина есть муж, который предстоит (Est vir qui adest). Истина есть Бог, а наш ум есть этот вопрошающий Пилат, который и не подозревает, что ответ на вопрос его заключается в самом его вопросе...» [Жуковский 1878: 85]. Закономерным следствием такой позиции В. А. Жуковского явился перевод Библии на русский язык, осуществленный им для себя и своих детей в целях облегчения пути к познанию христианской истины. О кропотливой работе В. А. Жуковского над переводом свидетельствуют многочисленные пометы на разных изданиях Библии, а также предварительная «краткая» редакция перевода, включавшая 8 псалмов и 8 глав Евангелия от Матфея, предшествовавшая «полной» редакции, включавшей весь Новый Завет [Прозоров 1994: 128–156]. «Перелагая» библейские книги с церковнославянского языка на русский литературный язык, В. А. Жуковский обращал особое внимание на синтаксис, считая этот языковой уровень определяющим показателем языка, о чем свидетельствует его рукописная грамматика, переданная Н. Н. Гречу: «При составлении синтаксиса... служили мне немалым пособием труды гг. Жуковского, сообщенные им мне в рукописи...» [цит. по: Виноградов 1958: 136]. Стараясь сохранить строй церковнославянской фразы,

В. А. Жуковский устранял только ряд синтаксических грецизмов, задававших максимальную формально-семантическую дистанцию между церковнославянским и русским языком: конструкция с субстантивированными прилагательными в форме ср. мн. была заменена на конструкцию с субстантивированными прилагательными в форме ср. ед., конструкция с одинарным отрицанием — на конструкцию с двойным отрицанием, а инфинитивная конструкция «*еже+инфинитив*» вне зависимости от совпадения-несовпадения субъектов действия была заменена на глагольно-личную конструкцию «*да+индикатив*» [материал цит. по: Прозоров 1994].

Елизаветинская Библия 1751	Псалтырь и Новый Завет в переводе В. А. Жуковского (краткая редакция) 1844–1846 гг.
<p>пс. 8:7 <i>Всѣ покорилъ еси подъ нозѣ его пѣντα ύπέταξας ύποκάτω τῶν ποδῶν αὐτοῦ</i></p>	<p>Все под ноги его покорил Ты [141]</p>
<p>пс. 8:3 <i>Изъ устъ младенецъ ѡсѣщщихъ совершилъ еси хвалѣ, врагъ твоихъ радн, еже разрѣшити врага ѡ мѣстника</i> <i>ἐκ στόματος νηπίων καὶ θηλαζόντων κατηρίσω αἶνον ἕνεκα τῶν ἐχθρῶν σου τοῦ καταλῦσαι ἐχθρόν καὶ ἐκδικητήν</i></p>	<p>Из уст младенцев и грудь сосущих хвалу совершил Ты, врагов Твоих ради, да сокрушится противник и мститель [140]</p>
<p>Мф. 6:24 <i>Никтоже можетъ двѣма господинома работати</i> <i>οὐδεὶς δύναται δυσὶ κυρίοις δουλεύειν</i></p>	<p>Никто не может двум господам работать [149]</p>

При этом В. А. Жуковский намерено оставлял неизменной синтаксическую сферу причастных форм, которая являлась своеобразной зоной «концептуальной нейтрализации»: сторонники концепции субстанционального единства церковнославянского и русского языков употребляли причастные конструкции, включая «дательный самостоятельный», как синтаксические славянизмы, а сторонники концепции субстанционального различия церковнославянского и русского языков либо заменяли причастные конструкции глагольно-личными конструкциями, либо подчеркивали в употреблении причастных конструкций структурно-функциональное тождество русского языка и новоевропейских языков [Запольская 1986]. В отличие от переводчиков, работавших в рамках Библейского общества, В. А. Жуковский последовательно сохранял в краткой редакции перевода не только нейтральные причастные конструкции, но и конструкцию «дательный самостоятельный», которая вместе с целевой конструкцией «*да+индикатив*» задавала новую литературно-языковую дистанцию между церковными и светскими текстами на русском литературном языке.

Елизаветинская Библия 1751 г.	Новый Завет 1820 г. // Новый Завет в переводе В.А. Жуковского 1844-1846 гг.
Мф. 8:1 Сшедшѣ же ѣмѣ съ горы, въ слѣдѣ егѡ надахѣ народѣ мнози.	Когда же сошел Он с горы, пошло за Ним множество народа. // Сшедшу же Ему с горы, вослед Его пошло народа много [154]
Мф. 8:23 И влѣзшѣ ѣмѣ въ корабль, по немѣ идѡша оученицы егѡ.	И когда взшел Он в судно, ученики Его последовали за Ним. // И вступившему Ему на корабль, за Ним последовали ученики Его [155]
Мф. 8:28 И пришедшѣ ѣмѣ на днѣ полѣ, въ странѣ Гергесинскѡю, срѣтѡста егѡ два вѣсна ѡ грѡвѣхъ исхѡдѡща, люта зѣлаѡ, ѡакѡ не мощи никѡмѣ минѡти пѣтѣмѣ тѣмѣ.	И когда пересек он на другой берег в страну Гергесинскую, встретились ему два бесноватые, вышедшие из гробов, столь свирепые, что никто не смел проходить тою дорогою. // И пришедшему Ему на он пол в страну Гергесинскую, встретили Его два обеснованные, вышедшие из гроба, столь разъяренные, что никому тем путем проходить было не можно [156]

К сожалению, «полная» редакция перевода В.А. Жуковского была издана только в 1895 г. в Берлине, а «краткая» редакция стала известна лишь в наши дни.

3.2. На рубеже XIX–XX вв. в связи с усилением демократических настроений проблема понятности языка была перенесена с библейских книг на богослужебные: «В православном христианском богослужении главнѣе место принадлежит слову, посредством которого передается сознанию верующих все богатство и разнообразие содержания христианства. Но это содержание с каждым десятилетием становится все менее и менее понятным не только для людей простых, но даже и для лиц богословски образованных» [Отзывы 1906: 322]. Непонятность языка богослужения приводила к формальному участию прихожан в церковной службе, к уходу в сектанство и атеизм. При этом причиной непонятности языка богослужения считалась грецизация церковнославянского языка: «Самый язык наших богослужебных книг, сохранивших греческое построение речи и словопроизводство, совершенно скрывает, часто даже искажает до ереси смысл и содержание молитв, богослужебных чтений и песнопений» [Отзывы 1906: 529]. Проблема языка богослужебных книг стала предметом оживленной полемики, которую вели как деятели церкви, так и филологи, высказывая свои взгляды в церковных изданиях и в периодической печати. По мнению участников полемики, преодолеть сложившуюся ситуацию можно было либо посредством перевода богослужебных книг с церковнославянского языка на русский литературный язык, объеди-

нив новым языком библейские и богослужебные книги, либо посредством перевода с греческого на упрощенный церковнославянский, «новославянский» язык, «...с полным приближением его синтаксической конструкции к речи русской», либо посредством упрощения церковнославянского языка бытующих богослужебных книг, стремясь при этом «...греческую конструкцию, совершенно чуждую славянской речи, заменить русскою» [Отзывы 1906: 101, 372].

Разрешением споров явилась деятельность созданной в 1907 г. синодальной Комиссии по исправлению богослужебных книг, которую возглавил архиепископ Сергей (Страгородский), будущий Патриарх. В работе Комиссии принимали участие также видные ученые — Н. Н. Глубоковский, И. А. Карабинов, А. И. Соболевский, А. А. Дмитриевский, что позволяло активно использовать в деле исправления книг методы и опыт академической науки. Опасаясь нового церковного раскола, Комиссия сочла возможным лишь «исправить принятый в богослужебную практику нашей Церкви церковнославянский (Никоновский) перевод, устранить его неточности и ошибки, а главным образом, сделать его возможно понятным не только для читающего (для него наш перевод и теперь почти везде понятен), но и для слушающего» [цит. по: Плетнева 1999: 66]. При этом непонятность богослужебных книг объяснялась членами Комиссии «излишней буквальностью перевода», что мотивировало необходимость выбирать в ходе sprawy «более понятный оборот или слово для замены иногда слишком эллинистующего принятого у нас перевода» [цит. по: Плетнева 1999: 66–67].

Результатом деятельности Сергиевской Комиссии явилась исправленная редакция Постной и Цветной Триоди, демонстрировавшая фрагментарную элиминацию синтаксических грецизмов: было осуществлено исправление порядка слов и коррекция инфинитивных целевых конструкций, а именно, замена инфинитивной конструкции — на глагольно-личную конструкцию «да + индикатив» при несовпадении субъектов действия в главной и придаточной части предложения [материал цит. по: Плетнева 1999]

Постная Триодь 1656 г.	Постная Триодь, исправленная Сергиевской Комиссией 1912 г.
днѣсь во предлагаетъ трапѣзѣ тайнѣю мѣнкѣ ѿѳодирѣ, веселѣщѣю празднлюбцевѣ насѣ	днѣсь во мѣнкѣ ѿѳодирѣ предлагаетъ трапѣзѣ таинственнѣю, веселѣщѣю празднлюбцевѣ насѣ (пт., 1 нед. В.П., веч., муч.) [108]
бгѡвидныхъ аггль силы, бгѡвѣтливаго бга оумолите, спсти дѣшѣ	бгѡвидныхъ аггль силы, бгѡвѣтливаго бга оумолите, да спасетъ мою дѣшѣ (вт. 1 нед. В.П., утр., Т., п.9) [114]

Цветная Триодь 1660 г.	Цветная Триодь, исправленная Сергиевской Комиссией 1913 г.
закономъ древле проповѣданное и про- рѣки, исполниса	закономъ и пророки древле проповѣ- данное, исполниса (нед. Пят., вс., утр., К., п.1, тр. 2) [109]
азъ во... излію дѣха, возсіати жел- ующымъ благодать независнѣю	азъ во ... излію дѣха, да возсіетъ же- лающимъ благодать изобильнѣю (нед. Пят., вс., утр., К., п.1 ин., тр.1) [115]

Явленные в XIX – начале XX в. образцы русского языка библейских книг и упрощенного церковнославянского языка богослужебных книг, демонстрировавшие последовательную или фрагментарную элиминацию греческого языка, и образцы «простого» языка библейских книг, явленные в XVII в., воспринимались как своеобразные культурно-исторические рифмы, а кодификаторы предшествующего времени наделялись прототипическими функциями. Так, в частности, П. П. Мироносицкий в речи, произнесенной в 1921 г. на акте Петроградского Богословского института, подводя определенные итоги дискуссии о языке богослужебных книг, считал основной причиной непонятности языка его грецизацию, ссылаясь при этом на утверждение Ю. Крижанича: «В подавляющем большинстве случаев неясности текста наших богослужебных книг зависят от того, что текст этот является переводным, а не оригинальным, причем благоговение переводчиков перед греческим оригиналом доходило до таких крайних пределов, что перевод их является беспримерным в истории мировой литературы образцом рабского следования за оригиналом. На эту черту обратил внимание еще Юрий Крижанич. Считая греков уставщиками и законодателями славянского перевода, он выразительно говорит: «Грѣки нашѣ всѣмѣ на своѣ копѣто навѣли: се јест, всѣ состав и обличје нашего језика (по обзорѣ на своѣ језик) изо дна извратили и претворили: тако да ни он јест Грѣцкнѣ, ни он Рѣцкнѣ језик» [Мироносицкий 2000].

4. Проведенное исследование показало, что концептуально мотивированная трансляция // элиминация культурно доминирующего языка представляет собой диагностический признак типа культуры и типа литературного языка, обслуживающего данную культуру. Так, концептуально мотивированная трансляция греческого языка явилась знаком конфессиональной культуры, реализованной в культурно-языковом пространстве *Slavia Orthodoxa*. Соответственно, концептуально мотивированная элиминация греческого языка свидетельствовала либо о влиянии культурно-языкового мира *Slavia Latina* на культурно-языковой мир *Slavia Orthodoxa*, либо о смене конфессиональной культуры секулярной, а также о движении языковой рефлексии в простран-

стве и времени от церковнославянского языка к русскому литературному языку как языку нового типа. При этом трансляция и элиминация греческого языка осуществлялись в одних и тех же «зонах проницаемости», формировавшихся синтаксическими грецизмами

Литература

- Алексеев 1999 — *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. М., 1999
- Бессонов 1870 — *Бессонов П. А.* Юрий Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православное обозрение. 1870. Т. II
- Будилович 1892 — *Будилович А.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Варшава. 1892. Т. II
- Виноградов 1958 — *Виноградов В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса. М., 1958
- Дурново 2000 — *Дурново Н. Н.* Избранные работы по истории русского языка. М., 2000
- Живов 1995 — *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII в. М., 1995
- Жуковский 1869 — *Жуковский В. А.* Собр. соч. СПб., 1869. Т. VI
- Жуковский 1878 — *Жуковский В. А.* Собр. соч. СПб., 1878. Т. VI
- Запольская 1986 — *Запольская Н. Н.* Функционирование причастий в русском литературном языке конца XVII – начала XVIII в. Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1986
- Запольская 1998 — *Запольская Н. Н.* Модели «общеславянского» литературного языка XVII–XIX вв. // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998
- Запольская 1999 — *Запольская Н. Н.* «Простой» язык Библии. Ф. Скорины и Псалтыри. А. Фирсова. реконструкция механизма грамматического подobia // Эволюция грамматической мысли славян XIV–XVIII вв. М., 1999
- Запольская 2000 — *Запольская Н. Н.* Книжная справа XVII в. проблема культурно-языкового реплицирования // Языки в Великом княжестве Литовском и странах современной Центральной и Восточной Европы. миграция слов, выражений, идей. Budapest. 2000
- Исаченко 1999 — *Исаченко Т. А.* Перевод и толкование в школе Чудова монастыря // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVII secolo. 1999
- Крижанич 1859 — *Грама̀тично исказа̀ње оь ру̀ском језику, по̀па Јурка Крижанѝца* // Изд. О. Бодянский, М., 1859 (в тексте ГИ)
- Материалы 1894 — *Материалы по истории раскола за первое время его существования* // Под ред. Н. Субботина. СПб., 1894. Т. IX. Ч. I
- Мироносицкий 2000 — *Мироносицкий П. П.* О богослужебном языке // Публ. А. Г. Кравецкого. В печати
- Отзывы 1906 — *Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе*. СПб., 1906. Т. I
- Плетнева 1999 — *Плетнева А. А.* Вопрос о богослужебном языке в конце XIX – начале XX века. Канд. дис. М., 1999

- Прозоров 1994 — *Прозоров Ю М* Из рукописного наследия В А Жуковского переводы фрагментов Священного Писания // Христианство и русская литература СПб, 1994
- Псалтырь 1989 — *Псалтырь 1683 г* в переводе Авраамия Фирсова / Подготовка текста Е А Целуновой Munchen 1989
- Сепир 1993 — *Сепир Э* Язык Введение в изучение речи // Избранные труды по языкознанию и культурологии М, 1993
- Сиромаха, Успенский 1987 — Сиромаха В Г, Успенский Б А Кавычные книги 50-х годов XVII в // Археологический ежегодник за 1986 г М, 1987
- Смотрицкий 1979 — *Мелетій Смотрискій. Грамматіки Славѣнскія правилное Сунтагма.* Евье, 1619 Переиздано Киев, 1979 (в тексте ГС)
- Титов 1918 — *Титов Ф И* Типография Киево-Печерской Лавры Киев 1916 (на титульном листе), 1918 (на обложке) Т 1 Приложения к первому тому Киев, 1918
- Успенский 1985 — *Успенский Б А* Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века М, 1985
- Успенский 1988 — *Успенский Б А* История русского литературного языка (XI-XVII вв.) Budapest 1988
- Флоровский 1983 — *Флоровский Г* Пути русского богословия Париж, 1937, Перепеч Париж, 1983
- Целунова 1985 — *Целунова Е А* Псалтырь 1683 г в переводе Авраамия Фирсова (филологическое исследование памятника) Автореф дис канд филол наук М, 1985
- Якобсон 1987 — *Якобсон Р* Работы по поэтике М, 1987